

УДК 93/94

Тихомиров Н.В., кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Россия)

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В ОТЧЕТАХ СТУДЕНТОВ ВКСХУ О ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена анализу деятельности учащихся Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова в ходе производственной практики в сельскохозяйственных организациях центрального Черноземья на завершающем этапе социалистической перестройки села. В основу работы положены сведения отчётов, подготовленных студентами ВКСХУ для учебной части университета. Источниковую базу составили документы весенней практики 1936 г. Предметом исследования явился комплекс отношений, характеризующих повседневность работников колхозов, совхозов и МТС в указанный исторический период. Актуальность работы обусловлена малой изученностью данного круга вопросов, а также обращением автора к документам, которые прежде не привлекались для решения такого рода задач. Впервые в научный оборот вводятся материалы, ранее не востребованные в исследованиях, посвящённых проблемам коллективизации в СССР, а также колхозной повседневности периода второй пятилетки. Информационный потенциал источника позволяет исследовать жизнь колхозных крестьян в бытовом, хозяйственном, культурном измерениях. Показано, какую роль сыграли молодые специалисты в налаживании работы артелей и МТС в областях российского Черноземья. Полученные выводы призваны расширить источниковую базу научных исследований, посвящённых проблемам социалистического преобразования села в 1930 гг., уточнить представления об особенностях создания и функционирования колхозов. Результаты проделанной работы служат углублению научного понимания процессов, связанных с перестройкой деревни и местом в этих процессах учащихся коммунистических вузов СССР.

Ключевые слова: история повседневности, коллективизация, колхозы, коммунистический вуз, крестьянство.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-166-173

Введение. Объектом исследования является производственная практика учащихся Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова (ВКСХУ). Данный вид деятельности составлял неотъемлемую часть обучения в коммунистических вузах СССР, подразделяясь на городскую и сельскую практику [8]. С преобразованием названных учебных заведений в коммунистические сельскохозяйственные университеты [9] упор был сделан всецело на работу в сельской местности.

Источниковую базу нашей работы составили отчёты студентов-свердловцев по итогам весенней практики середины 1930-х гг., периода, о котором в историографии закрепилось представление как о времени завершения социалистической перестройки деревни, т.е. окончания колхозного строительства [6, с. 64]. Названные документы отложились в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и до настоящего времени не были востребованы исследователями.

Ограничения, обусловленные характером настоящей публикации, требуют сужение временных рамок и предметной области исследования. При подготовке статьи использованы материалы за 1935-1936 учебный год. Это корпус из нескольких десятков отчётов, составленных практикантами в вольной форме и с различной степенью подробности отражающих структуру и содержание их деятельности. Таким образом, наше внимание было сосредоточено на событиях, знаменующих последний этап колхозного строительства и поз-

воляющих составить общее представление о состоянии дел в данной области. Пространственно-географические рамки исследования охватывают регион центрального Черноземья РСФСР, что даёт возможность подробно рассмотреть характерные явления колхозной жизни в указанный период на конкретных примерах.

Студенческие отчёты представляют познавательный интерес как отразившие разные стороны социально-экономической и культурно-бытовой жизни колхозных крестьян, которые на текущий момент сравнительно слабо изучены и скудно представлены в научной литературе [5, с. 13]. Данная работа призвана частично восполнить имеющиеся лакуны в области представлений о колхозной повседневности для вышеуказанного хронотопа. Кроме того, отчётные материалы позволяют изучить, как происходила работа студентов среди сельского населения, какую роль сыграли молодые политработники в деле колхозного строительства на его заключительном этапе.

Процесс коллективизации села изначально предполагал широкое привлечение сил горожан-коммунистов из числа пролетариата, комсомольцев, студентов комвузов и др. [4, с. 100]. Студенты середины 1930-х гг., в отличие от активистов-коллективизаторов начала «великого перелома», отправлялись в сельскую местность не создавать колхозы, а налаживать работу того, что уже было создано, но существовало с изъянами и перекосями. Молодых коммунистов изначально готовили как будущих управленцев [3, с. 100], а после

преобразования большей части комвузов в сельскохозяйственные вузы – как «организаторов социалистического земледелия» [2, с. 144]. Потому важным аспектом их обучения было закрепление полученных знаний, умений и навыков посредством решения конкретных прикладных задач.

Прохождение практики было приурочено к весеннему севу. Молодые люди отправлялись в колхозы в разгар подготовки и проведения посевных работ. Это создавало наилучшие условия для того, чтобы непосредственно ознакомиться с приёмами и методами сельскохозяйственной деятельности, использованием машинной техники, организацией сельского труда.

Результаты и их обсуждение. Сведловцы осуществляли свою деятельность в качестве парторгов, инструкторов райкомов, заместителей директоров МТС. Они выполняли на местах разнобразную работу: идеологическую, культурно-воспитательную, организационную. Студенты-практиканты наделялись подчас обширными полномочиями, а в отдельных случаях оказывались перед необходимостью фактически замещать те должности, на которые первоначально не предназначались. Так, студент Мишин, проходивший практику на МТС Моршанского района Воронежской области, был вынужден работать фактически за директора и заместителя директора станции, поскольку те отошли от дел более полугода назад [1, л. 29 об.]. Практикант Ключкин, попавший помощником директора на одну из МТС Курской области, «почти всё время» исполнял обязанности своего начальника, поскольку тот находился в командировке. Станция была только что организована и не имела в штате ни одного тракториста. Поэтому студенту пришлось также возглавить и «фактически руководить» двухмесячными курсами, на которых удалось подготовить 74 тракториста, 10 севцов и 17 учетчиков [1, л. 42].

Обязательным элементом производственной практики являлась массовая политраба, сопряжённая, прежде всего, с чтением лекций и проведением бесед в русле внутренней и международной повестки; практиковались громкие читки газет. Этой работой старались охватить разные категории работников: рядовых колхозников, местный актив комсомольцев и коммунистов, просветителей (учительство, заведующих избами-читальнями и красными уголками); особое внимание уделялось работе с женским населением. Среди тем, поднимавшихся в обсуждениях, были: значение 1 мая [1, л. 5 об.], интервью И.В. Сталина Р. Говарду в 1936 г., его же выступление на совещании передовых комбайнёров в декабре

1935 г., программа ВКП(б) [1, л. 73 об.] и многие другие. Там, где это требовалось, практиканты вели беседы антирелигиозной направленности, разъясняли суть и задачи стахановского движения и движения пятисотниц [1, л. 51 об.]. В качестве опорных материалов нередко использовались газетные публикации [1, л. 84 об.].

Особое внимание студенты уделяли разбору и разъяснению колхозникам нового устава сельскохозяйственной артели, принятого взамен прежнего документа.¹ Исследователи называют этот упомянутый устав манифестом «колхозного нэпа», подчёркивая заявленные в нём имущественные и дисциплинарные послабления крестьянству [10, с. 146]. Однако нередко руководители районов и колхозов, продолжая традиции коллективизаторов начала 1930-х гг., широко применяли административное принуждение, подчинённое по-своему понятой ими целесообразности. В отчётах они нередко указывали на выявленные ими нарушения устава. Так, один из практикантов отмечал: «В районе вообще и в массиве моей машинно-тракторной станции грубо нарушался сталинский устав сельскохозяйственной артели» [1, л. 42]. Это могло выражаться в грубом принуждении к вступлению в колхоз, притеснениях работников со стороны руководства. Кое-где мели место злоупотребления в пользу единоличников. Одному такому хозяйству, имевшему приусадебный участок в 0,49 га, прирезали от общего массива колхозной земли ещё 0,17 га [1, л. 50].

Борьба за проведение в жизнь положений нового колхозного устава была неразрывно связана с наведением общего порядка в отношениях рядовых работников с руководством артелей. Здесь практиканты подчас обладали заметным влиянием в решении кадровых вопросов на местах. Студент Бодров отчитывался: «По моему настоянию снят с работы за бесхозяйственность и пьянство завхоз колхоза им. Ворошилова» [1, л. 41]. Студент Ключкин добился «обновления» руководства 7-ми колхозов в районе прохождения практики и отдачи под суд ряда их председателей «за растраты и избиение колхозников» [1, л. 42 об.]. Практикант Камышов также добился снятия с должности и отдания под суд председателя колхоза. Для этого он «провёл большую работу», изучая заявления колхозников о «фактах преступной деятельности» председателя [1, л. 43 об.]. Трудно предполагать, где были сосредоточены указанные заявления – в правлении колхоза или в районном комитете ВКП(б). Однако показательно, что лишь вмешательство предприимчивого практиканта обеспечило ход накопившимся жалобам.

¹ Примерный устав сельскохозяйственной артели был принят Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утверждён СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17.02.1935 г.

Порой свердловцам приходилось бороться с вопиющим произволом в работе местного руководства. Студент Стародумов сообщал о «перегибах» в Ясеновском районе Курской области, которые выражались в незаконном обложении единоличников сельхозналогом, насильственном отбирании скота, ломке хат, расхищении крестьянского имущества и «травле колхозников на единоличников» [1, л. 49-49 об.]. О том, как осуществлялось последнее, автор не сообщал. Однако перечисленные обстоятельства позволяют заключить, что привлечение селян в колхозы происходило подчас грубо и ожесточенно, на единоличников давили нравственно, их собственность изымалась или портилась. Показательно, что практиканты выступали в данном случае проводниками ненасильственных методов работы с колеблющимися либо не признающими колхозов крестьянами. В отличие от первой волны коллективизаторов, они были лучше ориентированы по части принципов и методов устроения социалистического хозяйства.

Иногда, впрочем, разумность проводившихся студентами решений вызывает сомнения. Тот же Стародумов сообщал, что с помощью комсомола «изгнал с работы» секретаря сельсовета, который грубил посетителям, обращавшимся к нему за разъяснениями, а также выдавал справки кулакам, «именуя их середняками» [1, л. 50]. В данном случае просматривается закономерная склонность автора доверять молодым коммунистам в их споре с местной бюрократией. Однако остаётся неясным, какими соображениями пользовалась каждая из сторон в определении неназванных лиц как середняков или кулаков. Ещё более сомнительным выглядит указание на грубость уволенного секретаря, о чём практиканту было известно опять же лишь со слов комсомольских активистов. Таким образом, представленный материал позволяет предположить, что свердловцы, пускай невольно, могли сами потворствовать произволу вследствие идейно-предвзятого отношения к некоторым группам населения.

Примечателен случай, описанный студентом Топчиным, проходившим практику в Глазовском районе Воронежской области. Он «расследовал состояние работы» одного из колхозов по «материалам селькоров» (надо думать, опубликованным в местной газете), в которых обвинялся лично председатель колхоза. Разобравшись в деле, практикант пришёл к выводу, что материал в основном носил «характер склоки», будучи нацелен «ошельмовать единственного кандидата партии в колхозе» в лице его председателя. Сам же селькор оказался «лодырем и подкулачником, и взяточником» [1, л. 75].

В других случаях студенты получали сведения о вполне конкретных злоупотреблениях. Так,

было выявлено, что руководство колхоза в Большесолдатском районе Курской области совершило перерасход 26000 рублей и не заприходовало 96 центнеров зерна для выдачи за трудодни. При этом колхозники за якобы полученное зерно расписались в документах [1, л. 98]. Как видно, практиканты зачастую должны были действовать в пределах самой широкой компетенции, решая вопросы организационного, просветительского, финансово-отчётного и этического характера.

Иной раз, проявляя напористость в изобличении нарушителей и критике устоявшихся порядков, студенты оказывались в конфликте с местными руководителями. Бригада практикантов, работавшая в Чернянском районе Курской области, отмечала проявления неприязни к ним со стороны районного руководства: «стали бояться, избегать и презирать. Работой нашей почти не интересовались, мнений наших не слушалось и советов не давалось. Совещаний с нами не проводилось, и на бюро не вызывали. На наши предложения были только соглашения и выражения: “проводите, мы не возражаем”». Причиной, как утверждали студенты, явилось то, что ими были «вскрыты факты грубого нарушения революционной законности», устава сельхозартеля, «извращения в финансово-налоговой политике» и поставлены соответствующие вопросы на районном партсобрании и в присутствии председателя Обкома [1, л. 64].

Здесь, как и в описанных ранее случаях, мы не можем быть уверены в том, насколько точно автор отразил действительность, и что понималось им под «извращениями» и «нарушениями». Вместе с тем видится вполне вероятным, что колхозные, а равно районные руководители пользовались неправовыми методами. Что неудивительно в условиях, когда новая культура управления ещё пребывала в процессе незавершённого становления. В этих условиях студенты ВКСХУ как носители систематически усвоенных правил постановки работы в колхозе нередко наталкивались на сопротивление сельской среды, инертной и чуждой социалистическим нововведениям. Эта среда, представленная рядовыми колхозниками, руководством артелей, а подчас и районными управленцами, становилась для свердловцев как объектом наблюдения, так и объектом воспитательного воздействия.

Практиканты не только выступали перед артельщиками с лекциями и докладами, но также готовили кадры для просветительской работы из числа местных выдвиженцев. Студентка Тышковская отбирала чтецов для громкого чтения газет работникам [1, л. 85]. Её коллега Судаков во вверенных ему трудовых коллективах выделил и наставлял работников для проведения политических бе-

сед и читок в бригадах [1, л. 12]. Студент Калтахчян также способствовал организации читок в колхозах, инструктировал сотрудников красных уголков, помогал им в работе по выпуску стенгазет и устройению вечеров самодеятельности [1, л. 95]. Практикантка при одной из МТС Воронежской области для повышения «политического и культурного уровня трактористов» не только выделила в каждой бригаде чтецов-комсомольцев, но добилась обеспечения каждого тракторного отряда библиотеками и журналами, организации двух библиотек-передвижек [1, л. 16-16 об.].

При этом свердловцы отмечали порой крайне низкий уровень политической грамотности среди сельских коммунистов (как и уровень их грамотности в целом). Учащийся Худяков, проходивший практику в Беленихинском районе Курской области, выяснил, что из 54 коммунистов района, с которыми он беседовал, читали произведения Ленина только четверо, Сталина также «читали очень мало». Художественную литературу читали 7 человек, «и то 1-2 книжки, остальные 47 совершенно не читали». Даже заведующий районным отделом народного образования, как выяснилось, «не прочел ни одной книжки из художественной литературы» [1, л. 70]. Студент Калтахчян, оценивая постановку культурно-массовой работы в Пименовском районе Курской области, указывал, что руководители красных уголков при колхозах «малограмотны, а политически почти неграмотны». Он описал курьёзный случай, когда в беседе с одним из таких работников осведомился, читает ли тот газеты, и, получив утвердительный ответ, спросил, с кем ведёт войну Италия. Работник ответил, что с Польшей [1, л. 94 об.].

Такое положение дел свидетельствует, что складывание новых институций в сельской местности значительно опережало рост культуры общественных деятелей и ответственных работников на местах. Активисты-выдвиженцы, формально изменившие свой статус в обществе – вступившие в партийные ряды и занявшие должности во властных структурах – подчас не успели либо не пожелали перешагнуть рамки прежней интеллектуальной ограниченности.

Помимо идейного наставничества, студенты прилагали усилия к общему повышению культурного уровня сельского населения. Важной задачей становилось приобщение селян к общественно полезному времяпрепровождению. Например, практикантка Кажбанова, работавшая при МТС в Свободнинском районе Курской области, обеспечила закупку книг, домино и шашек для рабочих бригад. Её же стараниями был учреждён драмкружок, проведена посадка деревьев на стадионе, налажена работа среди пионеров [1, л.

100 об.]. Практиканты старались посылно участвовать в обновлении быта сельских работников. Студент Новиков, трудившийся в Сосковском районе Курской области, посещал квартиры женщин-коммунисток, помогая тем «наладить работу над собой» и «перестроиться в культурном отношении» [1, л. 44 об.]. Его коллега в совхозе Воронежской области провела «декадник чистоты», организовав уборку дворов и вывоз мусора; при её участии было оборудовано общежитие трактористов и начала работать общественная баня [1, л. 85 об.]. Другая практикантка, курировавшая в той же области работу МТС, обеспечила прикрепление к тракторным бригадам постоянных кухарок из колхозов, а для трактористов организовала медосмотр перед выходом на работу [1, л. 16 об.].

Под руководством студента Мишина при Моршанской МТС были оборудованы «культурные будки» для трактористов. Для проведён ремонт и дополнительное сооружение бытовых помещений; для нужд работников заготовлены чистые матрацы, полотенца, умывальники, зубные щётки, приобретены зеркала и бритвы. Чтобы трактористы проводили досуг с пользой, пять будок снабдили эфирными радиоустановками; кроме того на каждого работника было выписано по номеру местной газеты «Большевик», а на каждую будку – по номеру областной газеты «Коммуна» и центральных изданий «Правда» и «Известия» [1, л. 30]. По признанию самого практиканта, обустройство будок «стоило очень много трудов», однако того требовала конечная цель – «сделать стахановской МТС и, кроме того, чтобы данная МТС была рентабельна» [1, л. 31 об.].

Создавая условия и прививая в колхозах культурные формы отдыха и досуга, студенты вели борьбу с пороками, распространёнными в сельских сообществах. Среди таковых в отчётах чаще всего упоминается пьянство. Пили руководители колхозов, бригадиры, рядовые работники и даже комсомольцы [1, л. 101]. Один из авторов отмечал: «Среди части районных работников, большей части сельских работников сильно развито безудержное пьянство, доходящее до преступления» [1, л. 78-78 об.].

Такое положение вещей можно объяснить рядом обстоятельств. Играло свою роль и отсутствие ясных представлений о перспективах собственной работы, чётких представлений о выгоде ответственного отношения к труду. Отсюда происходил упадок трудовой дисциплины и как следствие – безалаберное поведение в быту. Люди, не имевшие строгого распорядка дня и не считавшие себя обязанными к выполнению общественно значимой работы, легко предавались пьянству как одному из привычных занятий и доступных удо-

вольствий. На это накладывалось отсутствие привычки к иным способам времяпрепровождения. Оба названных обстоятельства практиканты пытались удалить из общественной жизни.

Потому ещё одним важным направлением деятельности свердловцев становилась перестройка трудовых отношений в среде сельских работников, поднятие трудовой дисциплины. Это являлось обязательным условием для достижения высоких показателей производительности труда в колхозах, подспудно способствуя улучшению нравственного облика колхозников. Одной из объявленных задач работы с колхозным населением в это время было развитие ударничества, стахановского движения. Однако зачастую практиканты сталкивались с необходимостью разъяснить крестьянам хотя бы общие принципы рациональной организации полевых работ. Потому в общении с колхозниками студенты выступали не только проповедниками новых убеждений и нравственных ценностей, но также учителями в практической работе. Знания, умения и навыки, приобретённые во время учёбы, позволяли молодым людям успешно решать насущные проблемы колхозной жизни. Студент Поздеев инструктировал работниц Бельнинского района Курской области о применении удобрения на участке посадки сахарной свёклы [1, л. 62]. Студент Камышов самостоятельно привёл в действие колхозную сеялку, которая прежде простаивала как неисправная, не будучи задействованной в полевых работах [1, л. 43 об.]. Этот эпизод иллюстрирует и подтверждает высказываемое историками положение о том, что колхозники зачастую пренебрежительно относились к машинам и механизмам [7, с. 173].

То же касалось колхозного имущества вообще. Практикант Калтахчян из Пименовского района Воронежской области отмечал «бесхозяйственное отношение к социалистическому труду, расхлябанность и распад труддисциплины» в ряде колхозов. Последнее выражалось в том, что почва под посевы плохо обрабатывалась, несколько гектаров колхозного поля остались нескошенным, сено погибло под дождем. Правление колхоза не делало выводов из понесённых потерь, и в новом хозяйственном году «самотек, бесхозность, обезличка опять являлись стилем работ». Колхозные лошади не чистились, кобылицы за неимением производителя остались яловыми, скот кормился на стогу самовыпасом, инвентарь всю зиму пролежал на улице под снегом. Как следствие артельное хозяйство несло ощутимые убытки: к примеру, в колхозе «II пятилетка» вследствие отсутствия ухода за скотом из 34 лошадей 5 оказались «совершенно забракованы», а из оставшегося поголовья половина была лишь отчасти годной к использованию [1, л. 95 об.].

Студент, работавший партторгом в Пристенском районе Курской области, рисовал удручающую картину состояния хозяйства одного из колхозов. Исходно артель имела хорошие материальные условия и возможности для успешной производственной деятельности. Однако «бездеятельность правления и особенно председателя» довела колхоз «до худшего состояния». Работники пьянствовали, все сельскохозяйственные машины были «поломаны до основания», погублены 9 из 56 лошадей, хлеб и другое колхозное имущество разворовывалось (дошло до того, что член правления продал для собственной выгоды амбар, обошедшийся колхозу в 200 рублей). Дошло до того, что председатель колхоза, кандидат ВКП(б), не видя возможности что-либо исправить, выбросил печать и уехал, заявив, что больше не вернется в колхоз [1, л. 99].

Студентка Тышкова, отмечала, что в её зерносовхозе дело ремонта сельскохозяйственного инвентаря обстоит «угрожающее». Причинами автор указала обезличку и отсутствие трудовой дисциплины. Для исправления положения ей понадобилось наперво провести «ликвидацию обезлички» и добиться выполнения дневных заданий работниками; после состоялись 12 коротких производственных совещаний с начальниками агрегатов для выявления недочетов и их причин, составления перечня недостающих запчастей. В итоге ремонт оборудования был произведён успешно, хотя с задержкой, что было вызвано малым штатом рабочих, занятых в разных мастерских и нехваткой запасных частей. Вдобавок совхоз не получил в срок требуемые сельскохозяйственные машины, поэтому для обеспечения посевной кампании потребовалось «восстановить из утиля» 7 сеялок и «местным способом переконструировать» 5 культиваторов и 12 плугов [1, л. 85].

В этом примере заметно безразличие сельских работников к проблеме материального обеспечения и связанного с ним качества труда. Имевшийся у организации потенциал был задействован лишь благодаря настойчивости и предприимчивости практиканта. Так студенты не только привносили в работу колхозов, совхозов и МТС рационализаторское начало, но и способствовали повышению сознательности крестьянства. В некоторых местах наблюдались улучшения в отношении работников к материальным фондам колхозов. Студент Зеленков, руководивший партийно-массовой работой при воронежском свеклосовхозе, отмечал, что «рабочие, в частности трактористы-прицепщики, бережно относятся к инвентарю и вверенному им имуществу, тогда как в 1935 г. расхищено на 35 тысяч рублей мелкого имущества» [1, л. 72].

Крупную проблему составляло незнание колхозниками правил и приёмов проведения разных видов работ либо пренебрежение ими. Это вынуждало практикантов непосредственно включаться в полевые работы и руководить ими. Студент Паршутин с начала практики должен был присутствовать на полях, чтобы проследить за качеством сева и заделкой семян [1, л. 48]. В колхозе «Власть советов» Стрелецкого района Курской области с началом посевных работ была перевыполнена пахотная норма; однако достигнуто это было за счёт недопустимо мелкой вспашки глубиной 6-10 см. Практикант Калтахчян был вынужден добиваться запрета такого подхода на уровне сельсовета. При этом он сохранил сомнение относительно готовности колхозников следовать правильным предписаниям в будущем [1, л. 95 об.]. Наблюдения студентов говорят о том, что в ряде мест колхозники были не готовы воспринимать научно обоснованный подход к работе как предпочтительный. И переломить эту установку в сознании сельского общества было весьма затруднительно.

Одним из больных вопросов колхозной жизни являлось начисление трудодней работникам, что в свою очередь было связано с постановкой дела учёта нормы выработки каждым человеком за сутки. Студенты обращали внимание на несвоевременность внесения соответствующих записей в трудовые книжки, пренебрежение принципами и правилами учёта. Так, в Свободнинском районе имели место случаи, когда трудодни записывали через месяц и более после выполнения колхозником работы [1, л. 48]. В колхозах Пименовского района Воронежской области сложилась удручающая обстановка в деле оплаты трудодней работникам. В 1935 г. из 10 имевшихся колхозов только колхоз «Большевик» мог дать на трудодень 4,1 кг зерном, остальные же – лишь порядка 1,1-3 кг. Худшие результаты показали колхозы «Трудолюбие» и «II пятилетка», которые дали на трудодень 1 кг зерном, «а деньгами ничего не получили» [1, л. 95 об.]. В одном зерносовхозе Воронежской области образовалась проблема с оплатой труда подённых работников. Те проработали всё лето в 1935 г., но не получили ни копейки, поскольку записи о выполненной работе попросту не велись [1, л. 85 об.]. Запущенность хозяйства в одном из колхозов привела к тому, что работники получали лишь 200 гр. хлеба на трудодень, тогда как в соседних артелях выдавали по 1,5–2 кг хлеба. Это привело к сплошному отказу от колхозной работы, и к тому, что в начале посевной кампании «колхозная масса была без движения, занималась самогонварением» [1, л. 99].

Описанные случаи выглядят вопиющими и вызывают удивление. Но приходится признать, что дело учёта и контроля даже на столь примитивном

уровне в ряде мест было поставлено совершенно негодным образом. Главной причиной тому видится отсутствие у крестьян привычки и склонности к рациональному планированию своей деятельности. Показательно, что сами работники, чей труд оставался неоплаченным, были скорее склонны винить в этом колхозную систему как таковую, нежели элементарное отсутствие учётных записей. Так, на общем собрании одного из колхозов Круглинского сельсовета Воронежской области, некая колхозница, бывшая при том членом сельсовета, яро выступила против комбайнов и тракторов. Женщина обвиняла МТС в том, что та якобы забирает весь урожай, и у колхозников так «никогда хлеба не будет». Решение проблемы выступавшая видела в отказе от машин и возвращении к прежнему способу хозяйствования: «если бы у нас было много лошадей, то другой дело». Обыкательское мышление по наитию связывало жизненные невзгоды с малопонятными новшествами. Студенту, присутствовавшему на упомянутом собрании, пришлось основательно растолковывать колхозникам роль механизации в повышении урожайности, на что те заявили, что «так подробно им не была разъяснена выгодность работы МТС». После этого доверие крестьян к МТС и её сотрудникам ощутимо выросло [1, л. 80].

Отчёты практикантов свидетельствуют, что им удавалось на местах разрешать серьёзнейшие противоречия. Так, в колхозе, работа которого была фактически разрушена, а население погрязло в пьянстве, молодой партработник за два месяца сумел добиться положения, когда «вместо сплошного отказа от колхозных работ, за исключением отдельных случаев основная масса колхозников сами приходят к бригадиру и просят работы» [1, л. 99 об.]. Данный случай показывает, что проблема хозяйственной отсталости артелей была зачастую вызвана отсутствием организации в не самых сложных её формах. Практики, представляющиеся самоочевидными современному, рационально организованному, сознанию, часто оставались недоступны сознанию сельского обывателя середины 1930-х гг., продолжавшему жить глубоко традиционными представлениями о труде. Потому даже простые приёмы организации производственной деятельности, контроля и отчётности нередко позволяли коренным образом изменить состояние дел в колхозе, превратить отсталую артель в бойко развивающуюся. Материальное благополучие колхозов и колхозников находилось в прямой зависимости от их трудовой дисциплины и желания селян участвовать в колхозной работе.

Иногда, впрочем, работать по старинке колхозникам приходилось по причине недостаточной технической оснащённости. Так, в Свободнинском районе Курской области действовала только одна МТС,

обслуживавшая в первую очередь площади, находящиеся под посевами сахарной свеклы и конопли. Посев других культур: пшеницы, ячменя и овса, – приходилось производить ручным способом [1, л. 48].

Заключение (выводы). В своих отчётах некоторые практиканты отмечали ощутимые перемены в хозяйственной жизни на местах, в сравнении с тем, что могли наблюдать на заре колхозного строительства. За истекшее время артели стали многолюдней, улучшилась их оснащённость и материальная обеспеченность, сложилась производственная направленность [11, с. 114]. Кроме того, усложнились формы организации и управления артельным производством, повысились требования к руководителям на местах. «Это не то, что когда мы работали в 31-32 году»¹, – заключал один из студентов [1, л. 60 об.].

Как видно из отчётов, их авторы выполняли на селе самые разные функции, причём иногда неожиданные для них самих. В ходе работы они набирались опыта и делились полезными знаниями с колхозниками. Деятельность учащихся

ВСКХУ была неразрывно связана с продолжавшимся в стране процессом колхозного строительства, вышедшим на завершающую ступень. Студенты в сельской местности становились посредниками между сельскохозяйственными артелями, МТС, районным руководством, а иногда и правоохранительными органами. Они приносили в деревню модели рационального хозяйствования и плодотворного взаимодействия звеньев структур власти разного уровня, способствовали налаживанию работы в колхозах, встраиванию их в систему советской экономики.

Эта сторона колхозного строительства до сих пор слабо освещена в исторических исследованиях. Деятельность учащихся комвузов по налаживанию и оздоровлению социально-экономических отношений в колхозах остаётся, по сути, незаметным сюжетом. В этой связи остаётся неполным и понимание проблем, тормозивших развитие артельного хозяйства, делавших его малоэффективным и рождавших ряд социальных противоречий в среде сельского населения.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (Р). Ф. 5221. Оп. 25. Д. 5.
2. Ергин Ю.В. Башкирский коммунистический университет (1931–1939) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. № 5. С. 141–151.
3. Иванцов И.Г. Система партийного образования в СССР в 1930-е годы (на примере Северного Кавказа) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 4. С. 99–105.
4. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.
5. Кедров Н.Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2013. 280 с.
6. Мельникова Т.А. Историография аграрной политики СССР 30-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 61-70.
7. Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: ТГУ, 2003. 283 с.
8. Панин Е.В. Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада). [Текст]. URL: <https://www.vestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (дата обращения: 14.09.2023).
9. Постановление ЦК ВКП(б) от 21.IX.32 г. Об организации высших коммунистических сельскохозяйственных школ. Приложение № 2 к п. 27/15 пр. ПБ № 117. [Текст]. URL: <https://istmat.org/node/57567?ysclid=lp8iagdazq409736784> (дата обращения: 21.11.2023)
10. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 422 с.
11. Цубикова Л.С. Устав сельскохозяйственной артели 1935 г.: содержание и реализация (по материалам Восточной Сибири) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 4. С. 113–121.

THE FINAL STAGE OF COLLECTIVE FARM CONSTRUCTION IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION IN THE REPORTS OF VKSU STUDENTS ON INDUSTRIAL PRACTICE

The article is devoted to the analysis of the activities of students of the All-Union Communist Agricultural University named after Y.M. Sverdlov during industrial practice in agricultural organizations of the central Chernozem region at the final stage of the socialist restructuring of the village. The work is based on the data of reports prepared by students of the VKSU for the academic part of the university. The source base was made up of documents of the spring practice of 1936. The subject of the study was a complex of

¹ Имеется в виду учебный год.

relations characterizing the daily life of employees of collective farms, state farms and MTS in the specified historical period. The relevance of the work is due to the low level of study of this range of issues, as well as the author's appeal to documents that have not previously been involved in solving such problems. For the first time, materials that were not previously in demand in research on the problems of collectivization in the USSR, as well as collective farm everyday life during the second five-year plan, are being introduced into scientific circulation. The information potential of the source makes it possible to study the life of collective farm peasants in everyday, economic, and cultural dimensions. It is shown what role the young specialists played in establishing the work of artels and MTS in the regions of the Russian Black Earth region. The conclusions obtained are intended to expand the source base of scientific research on the problems of socialist transformation of the village in the 1930s, to clarify ideas about the specifics of the creation and functioning of collective farms. The results of the work done serve to deepen the scientific understanding of the processes associated with the restructuring of the village and the place in these processes of students of communist universities of the USSR.

Keywords: the history of everyday life, collectivization, collective farms, communist university, peasantry.

References

1. State Archive of the Russian Federation (SARF). F. 5221. List. 25. fol. 5.
2. Ergin, YU.V. (2008) Bashkirskij kommunisticheskij universitet (1931–1939) [Bashkir Communist University (1931-1939)]. Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana [Pedagogical Journal of Bashkortostan], 5, 141–151.
3. Ivancov, I.G. (2011) Sistema partijnogo obrazovaniya v SSSR v 1930-e gody (na primere Severnogo Kavkaza) [The system of party education in the USSR in the 1930s (on the example of the North Caucasus)]. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Adygea State University], 4, C. 99–105.
4. Ivnickij, N.A. (2000) Repressivnaja politika sovetskoj vlasti v derevne (1928–1933 gg.) [Repressive policy of the Soviet government in the countryside (1928-1933)]. Moskva: IRI RAN, 350 s.
5. Kedrov, N.G. (2013) Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'janstva Russkogo Severa v 1930-e gody [Bast shoes of Stalinism. Political Consciousness of the Peasantry of the Russian North in the 1930s]. Moskva: ROSSPEN, 280 s.
6. Mel'nikova, T.A. (2009). Istoriofografiya agrarnoi politiki SSSR 30-kh gg. [Historiography of agrarian policy of the USSR of the 1930s]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and socio-educational thought]. 2, 61-71.
7. Nefedov, S.A. (2003). Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizacii [Agrarian and demographic results of Stalinist collectivization.]. Tambov: TGU, 283 s.
8. Panin E.V. Rol' proizvodstvennoj praktiki v obuchenii studentov kommunisticheskikh vuzov v 1920-e gg. (na primere Kommunisticheskogo universiteta nacional'nyh men'shinstv Zapada) [The role of industrial practice in teaching students of Communist universities in the 1920s. (on the example of the Communist University of National Minorities of the West)]. [Text]. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (accessed September 14, 2023).
9. Postanovlenie CK VKP(b) ot 21.IX.32 g. Ob organizacii vysshih kommunisticheskikh sel'sko-hozyajstvennyh shkol. Prilozhenie № 2 k p. 27/15 pr. PB № 117 [Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) of 21.IX.32 On the organization of higher Communist agricultural schools. Appendix No. 2 to item 27/15, etc. PB No. 117] [Text]. URL: <https://istmat.org/node/57567?ysclid=lp8iagdazq409736784> (accessed November 21, 2023).
10. Ficpatrik, Sh. (2008). Stalinskie krest'jane. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnja [Stalin's peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: village]. Moskva: ROSSPEN, 422 s.
11. Cubikova, L.S. (2018). Ustav sel'skohozyajstvennoj arteli 1935 g.: sodержanie i realizaciya (po materialam Vostochnoj Sibiri) [The Charter of the agricultural artel of 1935: content and implementation (based on the materials of Eastern Siberia)]. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East], 4, 113–121.

Об авторе

Тихомиров Никита Вадимович - кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Tikhomirov Nikita Vadimovich - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, E-mail: tihomirov_n@rambler.ru